

Дискуссии и обсуждения

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов

В ходе дискуссии по теории нации в журнале «Вопросы истории» публикуются статьи по важным методологическим вопросам, связанным с обсуждаемыми проблемами. Рассмотрен, в частности, широкий круг этнических и национальных проблем, играющих большую роль в мировом историческом процессе. Опираясь на конкретный материал, характеризующий развитие тех или иных общностей в различные исторические эпохи, авторы ряда статей дали анализ этнической ситуации на значительных территориях. Довольно подробно были рассмотрены этнические процессы в СССР и Западной Европе, в Африке, Австралии и Океании. В предлагаемой статье делается попытка выявить сложные и разнообразные формы этнических общностей, представленных в зарубежной Азии, и показать направление происходящих там этнических процессов. К концу 1968 г. численность населения зарубежной Азии достигла двух миллиардов человек, что составляет 56,5% населения всего земного шара. Здесь живет несколько сот народов, стоящих на различных ступенях этнического развития и принадлежащих ко многим языковым семьям и группам. Для того, чтобы разобраться в необычайно сложной и запутанной этнической ситуации, сложившейся в зарубежной Азии, нужно хотя бы коротко остановиться на некоторых важнейших этапах исторического развития народов этого региона.

Азия была заселена людьми раньше других частей света. В эпоху неолита и бронзы (V—II тысячелетия до н. э.) они уже распространились по всей ее территории; в это же время произошла хозяйственно-культурная дифференциация ее населения. В некоторых тропических районах еще господствовали собиратели, охотники и рыболовы, в степях и пустынях Центральной и Передней Азии выделились скотоводы, в странах тропического и умеренного пояса — земледельцы. В долинах крупнейших рек развилось интенсивное земледелие с применением искусственного орошения и возникли первые раннеклассовые государства (в конце IV—начале III тысячелетия до н. э. в Двуречье на юге Месопотамии, затем — в бассейне Инда, во II тысячелетии до н. э. — в долине Хуанхэ, в Малой Азии и на восточных берегах Средиземного моря). В то же время, а может быть, и несколько ранее происходило формирование большинства языковых групп, существующих в Азии и поныне. Таким образом, уже 4—5 тыс. лет тому назад (раньше, чем где-либо) в Азии возникли крупные этнические общности. Своеобразным путем шло общественное развитие у передне- и центральноазиат-

ских кочевников-скотоводов, которые в период перехода от доклассового общества к классовому и позднее совершали ряд крупных переселений (гунны—III в. до н. э.—V в. н. э., арабские завоевания—VII—VIII вв. н. э., тюрко-монгольские завоевания XIII—XV вв. и т. д.) и создавали огромные, но обычно недолговечные государства. Все это, хотя и сопровождалось опустошительными войнами, способствовало расовому смешению и не могло не оказать определенного влияния на хозяйственно-культурное, а также этническое взаимодействие народов Азии.

Колониальная экспансия в страны Азии со стороны наиболее развитых европейских держав началась в конце XV—начале XVI века. Это вторжение принесло азиатским народам много бедствий и задержало их экономическое и культурное развитие. В этническом плане (за немногими исключениями) колонизация в первый период не сыграла существенной роли. Однако в дальнейшем, с развитием капитализма, обезземеливанием и разорением значительной части крестьянства, стали происходить значительные передвижки населения, что усилило его этническое смешение. К середине XIX в. население стран зарубежной Азии, прошедшее длинный и сложный путь исторического развития, состояло из многочисленных социальных, расовых, религиозных, этнических и языковых групп. Главными причинами такого разнообразия были крайние неравномерные темпы и специфические локальные особенности хозяйственного, общественного и культурного развития народов этих стран на протяжении их многовекового существования. Для стран зарубежной Азии было характерно также разнообразие типов этнических общностей, которые сильно отличались друг от друга по своей численности, характеру расселения и антропологическому облику, религиозной принадлежности, языку, образу жизни и, что особенно важно для темы нашего исследования, уровню этнического самосознания. В этом отношении зарубежная Азия существенно отличалась от Европы, где этническая ситуация в период развития капиталистических отношений была менее сложной.

При общем господстве феодализма у большинства народов рассматриваемых стран в середине прошлого века сохранились в той или иной мере пережитки первобытнообщинного строя. В странах Передней Азии и в Монголии такое переплетение укладов было наиболее ярко выражено у различных кочевых и полукочевых народов, частично сохранявших по форме родо-племенную структуру,— арабов, курдов, туркмен, каралапахов, кашкайцев, луров, бахтиаров, белуджей, некоторых групп афганцев (пуштунов), монголов и других. Что же касается ряда народов, живших во внутренних, особенно горных, районах, а также на небольших островах в Юго-Восточной и Восточной Азии, то у них еще во многих случаях преобладали доклассовые отношения. Примерами таких народов могут служить андаманцы, никобарцы, а также некоторые из так называемых «зарегистрированных» племен Индии, ведды Цейлона, многие малые мон-кхмерские и индонезийские народы внутренних районов Бирмы, Таиланда, Лаоса и Вьетнама, горные народы Филиппин и крупных островов Индонезии. Отметим, что в периферийных, юго-восточных районах Азии народы, сохранившие многие элементы первобытнообщинного строя, встречались чаще, чем в расположенных севернее и западнее материковых странах зарубежной Азии. Эта географическая закономерность в распределении народов с преобладанием доклассовых отношений являлась, несомненно, отражением неравномерности темпов социально-экономического развития, которые были более высокими в странах Передней и отчасти Восточной Азии, где еще в глубокой древности сложились очаги мировых цивилизаций.

Очень сложен и далеко еще не полностью разработан вопрос о времени возникновения и путях развития в странах Востока капиталисти-

ческих отношений. Однако совершенно ясно, что процесс первоначального накопления, имевший место в отдельных районах Азии, был резко заторможен или даже прерван начавшимися в XVI в. колониальными захватами, которые в конечном счете привели к тому, что почти все азиатские страны либо были превращены в колонии капиталистических европейских государств, либо оказались в экономической, а нередко и политической зависимости от них. В середине XIX в. в Азии не существовало развитых капиталистических отношений и даже капиталистический уклад в недрах феодального общества был выражен еще слабо и крайне неравномерно у отдельных народов. В то же время в некоторых странах, например, в Турции, Иране, Индии, Китае, Японии, Индонезии (главным образом на Яве), на Филиппинах, уже существовали небольшие предприятия мануфактурного типа с использованием наемного труда и складывались вокруг крупных городских центров местные товарно-денежные рынки. Довольно многочисленной была торговая буржуазия, которая по своему этническому составу часто отличалась от основного населения соответствующих стран. В Турции, например, буржуазия эта была в значительной части армянской, греческой, еврейской. В середине прошлого века в Азии уже существовали и бурно развивались такие крупные торгово-портовые города, как Бомбей, Мадрас, Калькутта, Сингапур, Кантон, Шанхай, и другие. Нельзя также забывать, что в рассматриваемое время многие страны Востока уже превратились в сырьевые придатки европейских держав или находились на пути к такому превращению. Значительная часть национального дохода в этих странах в той или иной форме присваивалась буржуазией европейских стран; население азиатских стран нищало, крестьянство разорялось. Все это показывает, что большинство народов описываемого района уже было, хотя и в очень различной степени, втянуто в мировую капиталистическую систему.

В начале XX в. национально-освободительное движение в зарубежной Азии, возникшее под влиянием русской революции 1905 г. и особенно Великой Октябрьской социалистической революции, которое В. И. Ленин охарактеризовал как «пробуждение Азии», наложило сильнейший отпечаток на развитие национального самосознания колониальных народов, многие из которых достигли довольно высокого уровня этнической консолидации. «Европейцы часто забывают,— писал В. И. Ленин,— что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую «забывчивость» значит терпеть шовинизм»¹.

Коренные изменения в жизни стран зарубежной Азии произошли после второй мировой войны, когда народы Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама вступили на путь строительства социализма (МНР вступила на этот путь еще в 1921 г.), а многие народы в арабских странах, Индии, Пакистане, Индонезии, Бирме, Камбодже, на Цейлоне и ряд других завоевали в результате упорной борьбы независимость и в той или иной мере приступили к осуществлению различных экономических, политических и культурных преобразований. В настоящее время одной из важнейших проблем, вставших перед развивающимися странами, является разработка путей быстрее завершения национальной консолидации проживающих в них народов. Крупные изменения, происшедшие в политической, общественной, хозяйственной и культурной жизни развивающихся стран после второй мировой войны, активизировали процессы этнической консолидации, процессы перехода от низших форм этнических общностей к высшим. Особую роль здесь сыграли, на наш взгляд, резко возросшая подвижность населения внутри стран (что благоприятствует быстрейшему его смешению) и ускорившиеся темпы урбанизации.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 116.

Миграционные процессы достигли в Азии большого размаха уже в середине XIX века. В тот период значительные группы китайцев переселялись в поисках работы в страны Юго-Восточной Азии (в которых колонизаторы начали усиленно развивать плантационное хозяйство) и смешивались там с коренным населением. Индийцы по той же причине ехали на Цейлон, в Бирму, Малайю, а также во внеазиатские страны — в Центральную и Южную Америку, в Южную Африку и в Океанию. В настоящее время за пределами Китая живет около 18 млн. китайцев, а за пределами Индии — более 5 млн. индийцев. Значительных размеров достигли миграции, связанные со второй мировой войной и послевоенными событиями (возвращение в Японию японцев из Китая, Кореи и стран Юго-Восточной Азии, репатриация греков, болгар, албанцев из Турции и возвращение в Турцию турок из балканских стран и т. д.). Крупные масштабы приобрели также перемещения населения, обусловленные столкновениями национальных и религиозных групп (переселение мусульман в Пакистан и индуистов и сикхов в Индию², бегство арабов из Израиля и переселение евреев из многих стран мира в Израиль и т. д.). Имели место и перемещения населения из густонаселенных районов в редконаселенные (с Явы на другие острова Индонезии, из Восточного Китая в Синьцзян и Северный Китай и т. д.). Кроме того, все большее число кочевников и полукочевников начали переходить на оседлость.

Однако все эти переселения по своим размерам не идут ни в какое сравнение с перемещением населения из сел в города. За последнюю четверть века число жителей в городах Азии увеличилось почти в 2,5 раза при общем росте населения несколько более чем в полтора раза. Из сел в города переселилось более 150 млн. человек. Если же учесть, что города отличаются весьма сложным этническим составом населения³ и в них создаются более благоприятные условия для развития этнических процессов, то можно с уверенностью сказать, что рост городов способствует национальной консолидации народов во всех без исключения странах Азии.

Сложность социальной и этнической истории Азии обусловила большую пестроту ее этнического и языкового состава. В настоящее время в зарубежной Азии живут народы, относимые более чем к десяти различным языковым семьям. Одни из этих семей являются чисто азиатскими, другие представлены и в других частях света. Так, народы, говорящие на китайско-тибетских, тайских, мяо-яосских, вьетнамских, мон-кхмерских, мунда и дравидских языках, полностью живут в пределах Азии, народы же, для которых родными являются индоевропейские, семитские, алтайские и австронезийские языки, обитают как в Азии, так и за ее пределами. Большинство стран зарубежной Азии многонациональны. Более чем по 50 народов живет в Индии, Индонезии, Китае, на Филиппинах, во Вьетнаме, более чем по 20 — в Иране, Афганистане, Пакистане, Бирме, Таиланде и некоторых других. Этническая пестрота населения усиливается тем, что некоторые народы расчленены государственными границами на несколько частей (курды, белуджи, афганцы, панджабцы, бенгальцы и др.). Более или менее однородны в национальном отношении лишь некоторые арабские страны, а также Корея и Япония.

² Переселениями на Индостанском полуострове было охвачено более 18 млн. человек.

³ В. И. Ленин еще в 1913 г. обратил внимание на эту особенность городского населения. Он писал: «Сразу видна наибольшая национальная пестрота крупного города С.-Петербурга. Это — явление не случайное... Крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей национальной пестротой населения...» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 220).

В Азии представлены все три большие расы человечества — монголоидная, европеоидная и негроавстралоидная. К монголоидам относится подавляющая часть населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Азии, а также небольшие группы населения Южной и Передней Азии. Монголоиды делятся на три основные группы: северных, восточных и южных монголоидов. В первую группу входят монголы и часть народов северо-восточного Китая, во вторую — северные китайцы и корейцы, третья объединяет смешанные и переходные формы между монголоидами и австралоидами — южных китайцев, индонезийцев, филиппинцев, народы Индокитая и японцев (японский тип, в состав которого входят также айнские элементы, характеризуется несколько отличным сочетанием признаков). Европеоидная раса представлена в Азии различными типами южной ветви (переднеазиатским, индо-афганским и другими) у народов Передней Азии и Северной Индии. Сравнительно малочисленные группы австралоидов распространены во многих районах Азии. Веддоидный тип наблюдается у веддов Цейлона, бхиллов и среди отдельных групп дравидских народов и народов мунда в Индии, у некоторых мелких народов Юго-Восточной Азии (сенон, тоала и другие); меланезийские и папуасские типы — у народов Восточной Индонезии; негритосский — у аэта Филиппин, семангов Малайи, андаманцев; айнский — у айнов в Японии. В зоне древних контактов между южной ветвью европеоидов и веддоидами образовался южноиндийский тип (главным образом дравидские народы Индии).

Необычайно сложны и религиозные взаимоотношения в Азии, где зародились все крупнейшие религии земного шара. Одни из них распространились по всему миру (христианство, ислам, иудаизм), другие остались в основном азиатскими (буддизм, сикхизм, джайнизм, даосизм, конфуцианство, синтоизм и др.). Можно выделить несколько крупных регионов, где преобладает та или иная религия. Ислам (в двух основных своих формах — суннизме и шиизме) распространен в Передней Азии, Пакистане, Индонезии, Малайзии. В Индокитае, а также на Цейлоне преобладает буддизм в форме тхеравады (южной ветви). В Южной Азии господствует индуизм. В странах Восточной и Центральной Азии верующие исповедуют несколько религий (буддизм в форме махаяны или ламаизма, конфуцианство, даосизм, синтоизм, а также ислам). Христиане преобладают лишь на Филиппинах, на Кипре и составляют около половины населения в Ливане. В Израиле подавляющее большинство жителей — иудаисты. Местные первобытные культы сохранились у наиболее отсталых народов главным образом в Южной и Юго-Восточной Азии.

Границы распространения расовых типов, так же как и религий, не совпадают с границами этническими. Один и тот же народ может состоять из различных в расовом отношении групп. Чрезвычайно показательны в этом отношении бенгальцы, весьма смешанные в расовом отношении и неоднородные по своей конфессиональной принадлежности. Чрезвычайно сложное переплетение этнических, расовых и религиозных групп в азиатских странах не может не оказывать влияние на ход этнических процессов. Некоторые религии запрещают браки с инаковерующими, а это, в свою очередь, создает препятствия для смешения этнических групп. Так, в большинстве мусульманских стран национальными меньшинствами признаются группы, исповедующие другие религии, а в отдельных случаях — и различные толки ислама, не являющиеся господствующими в данной стране (в Сирии, например, где сунниты составляют 70% населения, все остальные жители — представители других мусульманских толков и сект, а также христиане и иудаисты, не только формально включаются в число меньшинств, но и на самом деле сохраняют значительные этнические отличия). Не так явно проявляется этнообразующее влияние расовых различий. Тем не менее в за-

рубежной Азии можно найти расовые группы, совпадающие с этническими общностями. Так, все негритосы Юго-Восточной Азии (андаманцы, семанги, аэта) благодаря длительной изоляции превратились в устойчивые этнические общности.

Разнообразие этнической, расовой и религиозной картин в зарубежной Азии дополняется многообразием хозяйственно-культурных типов, представляющих собой комплексы взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, возникающие у различных народов, стоящих примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных ландшафтно-климатических условиях⁴. Эти типы находятся в самой тесной связи с социально-экономическими укладами и играют весьма существенную роль в направлении и специфике этнического развития. В зарубежной Азии издавна были представлены хозяйственно-культурные типы трех основных групп: охотников, собирателей и рыбаков; ручных (мотыжных) земледельцев и скотоводов; пашенных земледельцев.

Роль хозяйственно-культурных факторов в этническом развитии весьма существенна. Отметим прежде всего, что принадлежность того или другого народа к определенному хозяйственно-культурному типу самым непосредственным образом влияет на его численность и демографический состав. Численность народов, занимающихся охотой, собирательством или рыболовством, не превышает нескольких десятков тысяч, а нередко составляет всего несколько тысяч или даже сотен человек. Народы, относящиеся ко второй группе хозяйственно-культурных типов, могут быть, конечно, гораздо более многочисленными, однако и у них, как правило, есть свой «демографический потолок»: очень редко их численность превышает 1 млн. человек. Почти все крупные народы зарубежной Азии относятся к третьей группе хозяйственно-культурных типов, то есть к пашенным земледельцам. Естественно, что именно они имеют наибольшие возможности для прогрессивного социально-экономического, а следовательно, и этнического развития (включая и его высокую национальную ступень). Таким образом, как правило, необходимым условием культурного и этнического развития является переход к более интенсивным формам хозяйства, то есть к более развитым хозяйственно-культурным типам. Хозяйственно-культурные особенности народов часто выступают в качестве этноразделяющих признаков, создавая социальные барьеры, способствующие изоляции менее развитых народов. Так, эти особенности служат главным критерием разграничения двух групп населения, живущих на Калимантане, — полукочевых охотников пунанов и оседлых земледельческих даякских народов. Важную роль хозяйственной деятельности в формировании этнических различий отмечал Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о выделении древних евреев, перешедших к земледелию, из среды других скотоводческих семитских народов⁵.

Для понимания этнической ситуации определенное значение имеет разработанная советскими учеными концепция историко-этнографических областей — крупных регионов эйкумены, которые объединяют народы, расселенные на смежных территориях. Эти народы реально связаны между собой, хотя нередко и различаются по уровню и специфике социально-экономического, культурного и этнического развития. В зарубежной Азии могут быть выделены по крайней мере четыре крупнейшие области такого рода, которые можно назвать «историко-этнографическими провинциями первого порядка»: Передняя, Южная,

⁴ См. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. «Советская этнография», 1955, № 4; Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы Китая. «Востоочноазиатский сборник», II. «Труды Института этнографии», новая серия, 1961, т. LXIII.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 28, стр. 210.

Юго-Восточная и Восточная Азия⁶. В пределах каждой из четырех основных историко-этнографических провинций выделяются области второго порядка, также обладающие определенной естественно-географической, хозяйственно-культурной и этноязыковой спецификой. Во многих случаях эти области второго порядка полностью или частично совпадают с политическими образованиями, то есть с государствами, существовавшими в разные исторические эпохи (вплоть до настоящего времени). В Передней Азии такими областями являются, например, Малая Азия, Аравия, Иран, а возможно, и Афганистан, который историко-этнографически тесно связан, с одной стороны, со Средней Азией, а с другой стороны, с северо-западным Индостаном. Южная провинция включает Пакистан, Индию, Непал и Цейлон. Последние три страны можно считать отдельными историко-этнографическими областями, Пакистан же состоит из двух резко различающихся историко-этнографических областей.

Восточная Азия также подразделяется на историко-этнографические области, охватывающие отдельные страны (Монголия, Корея, Япония). Сложнее обстоит дело с Китаем, который условно можно разделить на две части: восточную, населенную китайцами, и западную, вошедшую в состав Китая сравнительно недавно и заселенную различными некитайскими народами. В Юго-Восточной Азии совпадение границ государств с границами историко-этнографических областей прослеживается менее четко. В историко-этнографическом отношении этот регион распадается в первую очередь на материковую и островную части.

Очевидно, что историко-этнографические провинции и области, как правило, не совпадают не только с отдельными, даже наиболее крупными народами, но и с целыми их группами, говорящими на родственных языках (например, тюркских, иранских, индоарийских, дравидских, мунда, мон-кхмерских, тибето-бирманских, индонезийских и др.). Тем не менее длительные хозяйственные, культурные, а часто и брачные взаимодействия народов, расселенных в пределах историко-этнографических областей разных порядков, приводят к выработке у них общих или сходных этнографических особенностей, к распространению тех или иных языков межгруппового общения и даже к развитию общего «областного» самосознания, чувства привязанности к своей родной земле. Иными словами, в рамках историко-этнографических областей, как правило, создаются объективные условия для сплочения различных народов в своеобразные «многоэтнические» общности.

Процесс этот ускоряется и усиливается, если такого рода общности исторически совпадают с устойчивыми политическими образованиями. В таких случаях в более или менее закрепившихся границах образовалась общность народов (которую можно было бы назвать этнополитической общностью), существовавшая в рамках государств в докапиталистические эпохи. Почти для всех современных стран зарубежной Азии в феодальную эпоху были характерны такие общности. С началом формирования наций этнополитические общности имеют тенденцию перерастать в национально-политические общности. Последние будут подробнее рассмотрены ниже.

Внутри историко-этнографических областей всегда существуют этнические общности, которые различаются между собой не только по языку и культурной специфике, но и по уровню своего развития. Для обозначения наиболее отсталых из них, сохранившихся во внутренних горных районах Азии, в зарубежной, а отчасти и советской научной литературе обычно, хотя и не всегда обоснованно, употребляется термин «племя». Как известно, племена были характерны для эпохи пер-

⁶ Ряд авторов выделяет в качестве самостоятельной области Центральную Азию, резко отличающуюся по своим историко-географическим особенностям от других областей.

вобытнообщинного строя; в отличие от общностей более поздних исторических периодов они основывались на действительных или мнимых кровнородственных связях, то есть состояли из людей, имевших общее происхождение или, во всяком случае, считавших себя связанными таким происхождением. Второй характерной особенностью племенных общностей было отсутствие среди них заметного социального расслоения, а тем более антагонистических классов. В силу этого культура таких общностей была более или менее единой: этническая и социальная специфика культуры в то время совпадали. Племя, состоящее из нескольких (первоначально, вероятно, двух или трех) экзогамных родов, было, по-видимому, древнейшей территориально-социальной общностью людей современного вида, однако отдельное племя со свойственными ему институтами представляло собой одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельный этнос. Основными типами этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были, вероятно, группы родственных племен, живших на смежных территориях, говоривших на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры. Именно такие племенные группы и представляли собой, по всей вероятности, основные этносы или народы доклассового периода истории человечества. Отдельные племена были своего рода этнографическими группами внутри подобных племенных общностей первого порядка⁷.

Смысл, который различные исследователи вкладывают в термины «племя» или «племенная общность», весьма расплывчат. В зарубежной Азии можно выделить несколько групп этнических общностей, обычно называемых «племенами», которые на самом деле весьма различаются между собой по уровню социально-экономического и культурного развития, причем одни из них насчитывают несколько миллионов, другие — сотни или десятки тысяч, третьи — лишь тысячи или даже сотни человек. В Передней Азии этими терминами обозначают большие народы, принадлежащие главным образом к хозяйственно-культурному типу кочевых или полукочевых скотоводов (например, курды, кашкайцы, белуджи и др.). Эти общности, хотя и сохраняют некоторые пережиточные черты родо-племенной структуры, обычно уже включены в той или иной форме в систему феодальных отношений и распадаются на социальные группы, которые довольно резко отличаются друг от друга по своему имущественному положению⁸. Совсем иной характер носят племенные общности Южной и Юго-Восточной Азии, представляющие собой большей частью небольшие этносы собирателей, охотников, рыболовов или ручных земледельцев с маловыраженным социальным расслоением, с сохранением многих черт первобытнообщинного строя и сравнительно однородной культурой. К этническим общностям такого рода принадлежат многие малые народы Индостана, говорящие на дравидских, мунда и частично тибето-бирманских языках, горные монты, кхмеры и индонезийцы Индокитая, отдельные небольшие этносы Индонезии и Филиппин, живущие преимущественно внутри больших островов или на маленьких изолированных островах. Характерные особенности племени как социальной организации (племенные советы, вожди и т. д.) могут быть выражены у этих этносов в очень различной

⁷ В советской литературе преобладает мнение, что первым типом этнической общности было племя. Гипотезу о том, что не племя, а группа родственных племен является первым типом этнической общности, выдвинул Н. Н. Чебоксаров («Проблемы происхождения древних и современных народов. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., авг. 1964». М. 1964, стр. 6).

⁸ Для этнических общностей скотоводов-кочевников, занимающих переходное положение между племенами и народностями, Л. П. Лашук предложил термин «улудная общность» (Л. П. Лашук. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. «Советская этнография», 1968, № 1).

степени, могут даже отсутствовать совсем. Границы между такими племенными общностями часто бывали неопределенны: между отдельными племенами и их группами существовала как бы «этническая непрерывность». Особенно характерной подобная непрерывность была, по-видимому, для папуасов Новой Гвинеи, по отношению к которым некоторые исследователи говорят о «контактных этнолингвистических общностях»⁹. Совершенно очевидно, что обозначать все эти разнообразные этнические общности одним и тем же термином «племя» можно только условно.

Для обозначения этнических общностей классовых докапиталистических формаций употребляется обычно термин «народность», имеющий еще более расплывчатое значение, чем термин «племя», и обнимающий весьма разнообразные этносы. Прежде всего надо иметь в виду, что народности различных исторических периодов по многим существенным особенностям сильно отличались друг от друга, хотя состояли всегда из людей, связанных друг с другом хозяйственно-культурными отношениями территориально-соседского характера и общим языком. На заре развития классового общества основу каждого народа составляли, как правило, свободные общинники (земледельцы или скотоводы), которые подвергались различным видам эксплуатации со стороны родо-племенной знати, принадлежавшей нередко к другому этносу. Наибольшее этническое разделение господствующего класса и эксплуатируемых было в странах, где в древности главенствовал рабовладельческий способ производства. Рабы там долгое время находились вне основных этносов страны и только медленно и нередко очень болезненно включались в их состав. В феодальном обществе эксплуатируемая группа населения — крестьяне и трудящиеся города — всегда составляла основу этноса, и именно ее культурно-бытовые особенности выступали в качестве характерных признаков всего народа. Что же касается социальной верхушки феодального общества, то она нередко была сильно обособлена от основной массы населения.

С развитием общества постепенно усиливаются общественно-бытовые и культурные контрасты между классами и сословиями в пределах одной страны, и в силу этого социальные, сословные, кастовые, профессиональные, религиозные и другие различия иногда становятся более резко выражены, чем различия этнические. Именно так обстояло дело с высокими кастами Индии, имевшими кшатрийское и в особенности брахманское происхождение; у них в гораздо большей степени было развито именно кастовое, а не этническое самосознание. Социальной и культурно-бытовой обособленности этих каст содействовало употребление ими уже мертвого языка древнеиндийской культуры — санскрита. С возникновением ислама и созданием в Передней, а затем в Южной и Юго-Восточной Азии мусульманских государств, во главе которых часто стояли арабские, иранские или тюркские феодалы, в этих районах также сложилась мусульманская социальная верхушка, широко пользовавшаяся арабским и иранским языками, оказавшими в средние века большое влияние на языки всех народов Турции, Ирана и Афганистана, а в определенной степени также на языки Северной Индии и даже Индонезии.

Не отказываясь от употребления термина «народность» и не вступая в данной статье в далеко еще не законченную дискуссию о его смысле, мы должны тем не менее учитывать при анализе этнической ситуации всю описанную выше специфику крупных азиатских народностей, которые послужили позднее исходной этнической средой для развернувшихся здесь процессов национального развития. В то же время

⁹ См. Н. А. Бутинов. Этнолингвистические группы на Новой Гвинеи. «Советская этнография», 1962, № 3, стр. 81—89.

надо иметь в виду, что племенными общностями и народностями даже при самом широком понимании этих категорий далеко не исчерпывались в прошлом, как не исчерпываются и в наши дни, типы этнических общностей азиатских стран. Прежде всего необходимо констатировать, что все мало-мальски крупные этносы, как правило, распадаются на местные группы, которые отличаются друг от друга некоторыми культурно-бытовыми особенностями, а нередко и диалектами. В специальной научной литературе такого рода подразделения крупных этносов принято называть «этнографическими группами». Проведение точных границ между этнографическими группами и самостоятельными народами часто бывает очень затруднительно. Примером этого может служить население области распространения различных диалектов языка хиндустани в Северной Индии. Сплошь и рядом отдельные небольшие племена и народности, особенно отставшие в социально-экономическом отношении, с течением времени переходят на язык своих более крупных и развитых соседей, воспринимают многие культурно-бытовые особенности этих народов и постепенно превращаются в их этнографические группы.

Наряду с племенными общностями, народностями и их подразделениями — этнографическими группами — в странах Азии (как и во всем мире) в разные исторические эпохи складывались (в ряде случаев они могли быть отделившимися частями этносов) конкретные территориальные общности, которые по своему характеру занимают переходное положение между собственно этническими общностями и другими историческими группами населения — хозяйственно-культурными, лингвистическими или конфессиональными. Их можно было бы назвать соответственно «этнохозяйственными», «этнокультурными», «этноязыковыми» и «этноконфессиональными» общностями. Примером такой этнохозяйственной или этнокультурной группы может служить разноразличная (она состоит из тюркских, иранских и арабских племен) группа «хамсе», кочующая на юге Ирака и занимающаяся скотоводством. Особенно много этнохозяйственных или этнокультурных групп можно встретить в Юго-Восточной Азии. Так, подобными группами могут считаться даяки и пуцаны Калимантана, долинные и горные народы Филиппин. Разграничение между этими общностями проводится в первую очередь не по языку, а по различному хозяйственно-культурным особенностям. Своеобразную общность образуют в Юго-Восточной Азии так называемые «морские кочевники» (селуны, маукены, оранг-лауты, баджао), расселенные на мелких островах и в приморских материковых районах на огромных расстояниях друг от друга и занимающиеся различными морскими промыслами. Своеобразные этнохозяйственные или этнокультурные зональные общности сложились в Лаосе, где вполне ясно выделяются три группы населения: живущие в долинах «лао-лум» — оседлые земледельцы, культивирующие преимущественно заливной рис и этнически относящиеся к народу лао; «лао-тхень», расселенные на горных склонах, занимающиеся подсечным богарным земледелием и включающие различные небольшие народы из групп горных тай и мон-кхмеров; «лао-сун», высокогорные жители, большей частью также богарные ручные земледельцы, состоящие преимущественно из тибето-бирманцев и мяо-яо, переселившихся на территорию Лаоса с севера позднее других народов. Каждая из этих трех зональных групп характеризуется определенными хозяйственно-культурными особенностями, четко выделяется соседями и в известной степени сама сознает себя в качестве реальной общности.

Еще яснее выделяются этноязыковые общности. В сущности говоря, каждый крупный народ, расселяясь по обширной территории, распадаясь на этнографические группы и ассимилируя более мелкие этнические общности, с течением времени мог обнаружить тенден-

цию к дальнейшей этнической дифференциации, вплоть до выделения отдельных самостоятельных, хотя и родственных генетически этносов. Кроме уже упомянутых «хиндустанцев», в Индостане к числу таких крупных этноязыковых общностей могут быть отнесены бихарцы и раджастханцы, а также население, говорящее на языках лахнда или на различных диалектах пахари в пригималайских районах. В Передней Азии этноязыковыми общностями являются ираноязычные племена луров и бахтиаров. В островной части Юго-Восточной Азии одной из наиболее крупных этноязыковых общностей являются малайцы, среди которых давно уже выделились отдельные этносы со специфическими культурно-бытовыми особенностями и отдельными диалектами (малайцы Малакки, риану, палембангцы, джамбийцы, малайцы Калимантана, джакартцы и др.); по языку к малайцам очень близки также амбонцы, крупнейший народ Молуккских островов. Тораджа Сулавеси, которые часто неправильно рассматриваются в качестве единого народа, в действительности представляют собою группу отдельных этнических общностей, говорящих на родственных, но самостоятельных диалектах или даже языках (палу, коро, посо, саданги и др.). Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но и сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод о широком распространении в зарубежной Азии этноязыковых общностей, которые не следует, конечно, смешивать ни с отдельными народами, ни с хозяйственно-культурными или историко-этнографическими группами. Вместе с тем этноязыковые общности следует отделять от общностей чисто языковых, которые включают народы, говорящие на родственных по происхождению, но сильно разошедшихся языках, исключающих не только взаимное понимание, но и сознание генетической близости. Языковые семьи — индоевропейская, алтайская, китайско-тибетская, австронезийская и другие — относятся уже к чисто языковым общностям.

Примеры этноконфессиональных общностей были уже приведены выше, когда говорилось об этнообразующей роли религии. На севере Индостана общностями такого рода могут считаться сикхи, а может быть, и джайны, которые отличаются от соседнего населения не только, а своей религиозной принадлежностью, с которой непосредственно связан целый ряд характерных культурно-бытовых особенностей. Важно подчеркнуть, что обе эти конфессиональные группы эндогамны. Еще одним ярким примером небольшой этноконфессиональной общности могут служить парсы Бомбея, сохранившие древнюю зороастрийскую религию и связанный с нею культ огня и также этнографически обособленные от соседнего населения. Этническая консолидация крупнейших народов Филиппинских островов — висайя, тагалов, илоков, биколов — связана в известной мере с их христианизацией, начавшейся в XVI в. вместе с испанской колонизацией. Напротив, принятие ислама привело к выделению в самостоятельную этноконфессиональную группу населения южных Филиппин — так называемых моро. В Передней Азии этноконфессиональными общностями могут считаться курды-незиды в Иране и Ираке, зороастрийцы Ирана, друзья Сирии и Ливана, нусайриты Сирии, марониты Ливана и т. д.

Конечно, этноконфессиональные общности (так же как этнохозяйственные и этноязыковые) не могут считаться народами или этносами в прямом смысле этого слова. Для того, чтобы сложилась собственно этническая общность любого порядка, необходимо, чтобы она обладала характерными чертами материальной и духовной культуры, выражаемыми на определенном общепонятном языке. Третьим, очень важным, элементом любой общности, своего рода равнодействующей всех этногенетических факторов является этническое самосознание.

В большинстве современных стран зарубежной Азии, для которых характерны сильные пережитки феодализма, мы наблюдаем чрезвычай-

но яркую особенность — многоступенчатость (иерархичность) этнического самосознания. Влияние переходных общностей (этноязыковых, этноконфессиональных и т. п.) действует ослабляюще на чисто этническое самосознание. Мусульманство, например, в значительной степени сглаживает этнические различия и способствует одновременному бытованию этнического и конфессионального самосознания. В то же время затяжной характер процессов консолидации и ассимиляции в феодальных и полуфеодальных обществах способствует длительному сохранению этнического самосознания отдельных локальных групп. Лишь с формированием наций исчезает многоступенчатость и частая неопределенность этнического самосознания.

В последнее столетие огромное значение для сплочения народов в странах зарубежной Азии имел подъем там национально-освободительного движения, в которое втягивались самые разные этнические общности, отличающиеся друг от друга по численности, уровню социально-экономического развития, языку, особенностям хозяйства, культуры и быта. Участие в общей борьбе в сильнейшей степени способствовало укреплению хозяйственно-культурных связей между этими народами, росту у них патриотизма и четкого сознания принадлежности к единому целому — общей для всех них родине. Герои национально-освободительной борьбы становились героями всей страны, независимо от их этнической принадлежности. После завоевания независимости тенденция к экономическому сплочению в рамках существующих государств еще более усилилась. У населения этих государств выросло сознание принадлежности к общности нового типа, которые в специальной литературе и прессе называют иногда «народами» или «нациями», употребляя эти термины в самом широком смысле слова. Вполне реальными стали такие понятия, как «народ Ирана», «народ Афганистана», «народ Индии», «народ Бирмы», «народ Индонезии», «народ Вьетнама» и т. п., несмотря на то, что каждый из этих «народов» состоит из различных этнических общностей. Таким образом, политические границы в зарубежной Азии (как, впрочем, и в Африке и в Латинской Америке) стали в настоящее время в большинстве случаев и рубежами между формирующимися крупными общностями нового типа, независимо от того, являются ли эти общности однородными или неоднородными в этническом отношении. Эти общности нового типа являются более устойчивыми, и они более четко осознаются своими членами, чем этнополитические общности эпохи феодализма; в советской историко-этнографической литературе их предложено называть национально-политическими общностями¹⁰. Совершенно очевидно, что такие общности ни в коем случае не могут быть отождествлены с этническими общностями, в том числе и с нациями.

Возникновение нации как этнической категории большинство исследователей связывает с определенной исторической эпохой — эпохой развивающегося капитализма. Как уже было показано выше, в Азии к началу империалистической эпохи капиталистические отношения были развиты очень слабо, несмотря на то, что истоки их уходят в глубь времен, к доколониальному периоду. Необходимой исторической предпосылкой национального развития, неоднократно указывал В. И. Ленин, является рост экономических связей между прежде разобщенными территориальными группами населения той или иной страны, слияние местных торговых рынков в единый общий национальный рынок¹¹. Процесс этот не следует понимать слишком упрощенно, считая, что каждая

¹⁰ См. С. И. Брук и Н. Н. Чебоксаров. Современный этап национального развития народов Азии и Африки. «Советская этнография», 1961, № 4; Н. Н. Чебоксаров. Проблема типологии этнических общностей в трудах советских ученых. «Советская этнография», 1967, № 4.

¹¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. I, стр. 154.

формирующаяся нация должна непременно иметь свой собственный отдельный экономический рынок. Как справедливо отметил В. И. Козлов, экономические рубежи, как правило, совпадают не с этническими, а с политическими границами¹², то есть общенациональные рынки складываются не в рамках этносов, а в рамках политических объединений — государств. Однако все народы страны по мере развития капитализма постепенно включаются, хотя и в очень разной степени, в такой общий рынок. Экономические связи между отдельными народами и между этнографическими группами одного и того же народа расширяются и укрепляются. Тем самым создаются реальные исторические предпосылки для национального сплочения разных групп одного этноса и для сближения различных этносов, живущих в одном государстве. За экономической консолидацией закономерно следует консолидация культурная и языковая; ускоряется рост общенародного самосознания, которое поднимается на новую ступень, становясь уже самосознанием национальным. К странам зарубежной Азии второй половины XIX и XX в. вполне применимо сформулированное В. И. Лениным положение: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹³. Подчеркивая исторически прогрессивный характер обеих тенденций, В. И. Ленин в то же время указывал, что при капитализме они вступают между собою в антагонистические противоречия. При переходе к социализму обе эти тенденции продолжают действовать, по-прежнему являются прогрессивными, и их противоречиво-антагонистический характер утрачивается.

Национальное развитие стран зарубежной Азии протекало, конечно, в особых условиях, отличных от условий формирования наций в развитых капиталистических странах. Крупные народы Азии вступили на путь национальной консолидации фактически только в эпоху империализма. Поскольку страны Востока были закабалены в той или иной форме империалистами, социально-экономическое и культурное развитие этих стран было заторможено, а господствовавшие в них феодальные, а отчасти и первобытнообщинные отношения в значительной степени законсервированы. Эти специфические обстоятельства оказали, естественно, огромное влияние на этническую историю всех народов зарубежной Азии, способствовали крайней неравномерности хозяйственно-культурного и этнического развития и сохранению вплоть до наших дней этнических общностей различных типов. Однако наиболее развитые в социально-экономическом и культурном отношении и наиболее многочисленные народы Востока все же вступили в этих трудных условиях на путь национальной консолидации. У них постепенно, сначала в городах, а затем и в деревнях, развивались капиталистические отношения, формировалась своя буржуазия и связанная с ней интеллигенция и очень медленно, хотя и неуклонно, увеличивалось количество наемных рабочих (сначала по преимуществу сельскохозяйственных, а затем и промышленных), усиливалось социальное расслоение крестьянства и трудящихся города (в первую очередь ремесленников), шло «обуржуазивание» значительной части помещиков.

Темпы национального развития во всех странах зарубежной Азии резко возросли в конце XIX — начале XX века. К этому времени от-

¹² В. И. Козлов. Некоторые проблемы теории нации. «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 94—95.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 124.

носятся такие важные для процессов национального развития события, как буржуазные революции в Турции и Иране, завоевание независимости Афганистаном, подъем национально-освободительной борьбы народов Индостана, Китая, Индокитая, Индонезии и Филиппин. Огромное воздействие на национальное развитие народов Востока оказало возникновение первого в мире социалистического государства, в котором национальный вопрос был разрешен на основе юридического и фактического равноправия всех больших и малых народов. Новый этап национального развития народов зарубежной Азии начался после второй мировой войны, когда образовались страны народной демократии и произошел быстрый распад всей системы колониализма, причем на месте бывших колоний образовались новые политически независимые государства. В Азии в наши дни колониальных владений не осталось, если не считать арабских княжеств на востоке Аравийского полуострова, португальской части Тимора, Брунея на севере Калимантана, Сянганя (Гонконга) и Аомыня (Макао) в прибрежных районах Китая и нескольких небольших островов в Индийском океане.

Наличие различных типов этнических и переходных (этноязыковых, этноконфессиональных и других) общностей в Азии затрудняет установление границ между ними. Особенно сложно провести четкую границу между нациями и этническими общностями, которые стадийно предшествовали им, однако продолжают существовать вплоть до наших дней. Как мы видели, для наций по сравнению с этническими общностями других типов характерно большее развитие внутренних экономических связей. Несмотря на наличие в любой несоциалистической нации антагонистических классов, значительно отличающихся друг от друга своими культурно-бытовыми особенностями, все социальные группы населения, входящие в нацию, оказываются тесно связанными между собой в хозяйственной, общественной и культурной жизни. В силу этого процессы национальной консолидации всегда находят свое выражение в развитии общенациональных особенностей культуры и национального литературного языка. Можно утверждать, что формированию наций в любой стране и в любую эпоху всегда сопутствует борьба за развитие своей культуры на своем языке. Процесс этот неизбежно сопровождается возникновением собственной художественной и политической литературы и прессы, созданием национальных общественно-политических организаций, борьбой за введение преподавания в школе на своем языке. По существу, все эти явления отражают в разных формах развитие национального самосознания, которое у наций является гораздо более ярко выраженным, чем у всех других этнических общностей, и во многих случаях становится главным, а иногда и единственным критерием для определения национальной принадлежности. Не может существовать нация без национальной культуры, литературы, прессы и особенно без национального письменного языка.

Характерно, что именно в нациях исчезает многоступенчатость (иерархичность) этнического самосознания, свойственная народам в феодальные эпохи. Можно сказать, что наивысшая монолитность, однородность этнического самосознания свойственны только нации и являются одним из ее признаков. Это вызвано высокой интенсивностью процесса ее этнической консолидации.

Считать неперемennым признаком нации обязательное наличие государственности, как это делают многие ученые, вряд ли целесообразно, так как нация все же является не политической, а этнической категорией. Однако следует иметь в виду, что всякая консолидирующая нация стремится не только к культурному самоопределению, но и к созданию самостоятельного национального государства или к завоеванию автономии в рамках государства многонационального. Политический фактор,

игравший немалую этнообразующую роль в процессах этнического развития любого классового общества, приобретает особое, нередко решающее значение в обществе капиталистическом. Этой огромной ролью политического фактора объясняется, по нашему мнению, очень распространенное за рубежом, в частности в развивающихся странах Азии, употребление терминов «нация» и «национальный» в значении «государство» и «государственный».

Большое значение в определении темпов и характера процессов современного развития в странах зарубежной Азии играет социальная структура этих стран. Наиболее благоприятные условия для процессов этнического и национального развития имеются в социалистических странах. В Корее и Вьетнаме они, однако, осложнены разделением каждой из этих стран на две части. Такое разделение, конечно, не означает, что на севере и юге Кореи или севере и юге Вьетнама формируются самостоятельные национальные общности. После объединения этих стран на подлинно демократических началах в них, конечно, будут созданы условия для быстрой национальной консолидации. С развитием социализма все быстрее идут процессы национальной консолидации в МНР, где успешно завершается консолидация монгольской нации, ядром которой служит одна из этнографических групп монголов — халха. В Китае в результате порочной политики маоцзэдуновского руководства оказался нерешенным и национальный вопрос¹⁴, хотя для его решения имелись все предпосылки.

В несоциалистических странах Азии со сравнительно развитыми капиталистическими отношениями (в таких, как Япония, и отчасти Индия) современные процессы национального развития находятся под сильным воздействием классовой борьбы, которую ведут рабочий класс и пролетарские слои деревни с крупной национальной буржуазией, занимающей руководящие позиции в экономике и государственной структуре. Более развитая в экономическом отношении Япония отличается от Индии большей степенью национальной консолидации. В Индии процесс интеграции осложнен, кроме того, тем, что в ней складывается не одна, а несколько наций. В большинстве стран зарубежной Азии преобладают классы и слои, связанные с мелким производством: крестьяне и полупролетарские слои в городе (ремесленники, кули, поденщики). Численность современного рабочего класса невелика, а его организованность и политическая сознательность находятся на низком уровне¹⁵. Специфика национальной буржуазии в ряде азиатских стран состоит в том, что ее образуют в значительной мере представители национальных меньшинств. Особенно это характерно для Юго-Восточной Азии (индийцы в Бирме, китайцы в Таиланде, Индонезии, на Филиппинах, китайцы и индийцы в Малайзии). Это привело к тому, что после достижения независимости во многих странах зарубежной Азии руководящей политической силой оказалась не буржуазия, а промежуточные слои, прежде всего интеллигенция. Еще со времен колониализма интеллигенция была носителем культурных и языковых традиций своих народов. Характерно, что во время антиимпериалистических революций борьба местной интеллигенции активно поддерживалась крестьянством, у которого национальное самосознание развивалось более быстро, чем классовое. В современную эпоху перед развивающимися странами стоит проблема выбора наиболее успешных путей общенационального прогресса. В выборе этих путей большая роль принадлежит национальной интеллигенции. Часть ее, выступая в союзе с реакцион-

¹⁴ См. Т. Рахимов. Великодержавная политика Мао Цзэ-дуна и его группы в национальном вопросе. «Коммунист», 1967, № 7, стр. 114—120.

¹⁵ См. В. Лук и. Некоторые особенности классовой структуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 11, стр. 55—56.

ными силами, выдвигает шовинистические идеи и стремится ассоциировать национальные интересы и национальную гордость с религиозными, кастовыми, общинными и национальными предрассудками. Другая часть, находясь под идейным воздействием стран социализма, ищет путей некапиталистического развития. Именно она составляет отряд национальных революционных демократов¹⁶. Под влиянием все более крепнущего рабочего класса эта часть интеллигенции постепенно осознает, что в борьбе за социальный прогресс развивающиеся страны должны идти единым фронтом с социалистическим лагерем и мировым рабочим движением. В. И. Ленин неоднократно требовал проявлять особую осторожность к национальным чувствам. Он писал, что «разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками». Но основную задачу коммунистов В. И. Ленин видел в воспитании у рабочих и всех трудящихся интернационализма, в развитии интернациональных черт у людей различных наций¹⁷.

Для правильного предвидения перспектив национального развития большое значение имеет анализ взаимоотношений между разными этническими группами, проживающими в стране. В целом все страны зарубежной Азии по характеру взаимоотношений между национально-политическими и этническими общностями могут быть разделены на несколько групп. В первую группу стран должны быть включены государства, в которых подавляющее большинство населения (свыше 80—90%) относится к одному народу, причем этот народ является здесь не только самым многочисленным, но и самым развитым в социально-экономическом и культурном отношении, играющим ведущую роль в политической жизни страны. В зарубежной Азии таких государств, которые можно безоговорочно назвать национальными (или, точнее, одноплеменными), сравнительно немного. К ним в первую очередь относятся Турция, Камбоджа, Корея, Япония, Монголия. К этой группе приближаются Вьетнам, где на долю вьетов приходится более трех четвертей всех жителей, и Сингапур, в котором китайцы образуют около 75% населения. По-видимому, мы можем говорить о сложившихся турецкой, камбоджийской (кхмерской), японской, корейской и монгольской нациях. Нет сомнения и в существовании вьетнамской нации, которая на севере страны вступила на путь социалистического развития, а на юге ведет в труднейших условиях борьбу за свое освобождение. Вполне закономерна постановка вопроса о формировании в Сингапуре отдельной сингапурской нации. Во всех этих странах существуют национальные меньшинства, очень различные по численности, уровню социально-экономического, культурного и этнического развития. Многие из этих меньшинств, особенно близкие по языку, культуре и религии к господствующим нациям, имеют тенденцию к постепенному слиянию с ними. Это относится, например, к тюркоязычным карапапахам и туркменам Турции, к мелким мон-кхмерским народам Камбоджи (кун, мнонги, брао и др.). Другие национальные меньшинства государств первой группы, резко отличающиеся от господствующих наций по языку и культуре (в частности по религии), продолжают самостоятельное этническое развитие и, вероятно, еще длительное время будут существовать в качестве отдельных этносов. В Турции такими национальными меньшинствами являются, несомненно, арабы, греки, армяне и др. В Камбодже национальную обособленность сохраняют китайцы и вьетнамцы. В Сингапуре подобное же положение занимают малайцы и родственные им выходцы из Индонезии (яванцы, буги, риау и т. д.), а

¹⁶ См. Р. Ульяновский. О единстве сил социализма и национально-освободительного движения. «Правда», 14. X. 1968.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 184; т. 30, стр. 44.

также переселенцы из Индии, среди которых главную роль играют тамилы и другие дравидоязычные народы. Во Вьетнаме крупнейшими национальными меньшинствами являются тай, тхай и нунг, различные группы мео (мяо) и ман (яо), а также кхмеры Намбо и тямы. Отдельную национальную группу населения в этой стране составляют китайцы, состоящие из генетически очень различных компонентов, появившихся на территории Вьетнама в самые разные исторические эпохи. На примере стран первой группы удобнее всего поставить теоретический вопрос о необходимости проводить различие между автохтонными национальными меньшинствами, часто родственными по происхождению основному народу страны, и относительно поздними выходцами из других стран. Например, в Камбодже существенно различается положение, с одной стороны, небольших мон-кхмерских по языку народов, по тем или иным причинам не успевших окончательно консолидироваться с ведущим народом страны — кхмерами, и с другой стороны — китайцев и вьетнамцев, появившихся в стране в значительном числе в последние двести лет в связи с развитием товарно-денежных отношений. Последние два национальные меньшинства Камбоджи представляют в стране до сих пор основные отряды как рабочего класса, так и буржуазии, что резко отличает эти меньшинства от автохтонных народов (куи, брао, мнонгов и др.), традиционно занимающихся земледелием и сливающихся постепенно с кхмерским крестьянством. К развитым социально-экономически, но неавтохтонным национальным меньшинствам относятся также индийцы в Юго-Восточной Азии, армяне, греки, арабы в ряде стран Юго-Восточной Азии, например, в Турции, и т. д. Таким образом, в странах первой группы национально-политические общности в основном совпадают с общностями национальными. В каждом из этих государств складывается только одна нация, а все другие народы могут рассматриваться в качестве национальных меньшинств.

Иначе обстоит дело в государствах второй группы, где наряду с господствующей нацией существуют и другие народы, имеющие перспективу самостоятельного национального развития. На юго-западе Азии такими странами являются Иран и Афганистан. В первом из этих государств наряду со сложившейся персидской (иранской) нацией существует и другой народ (азербайджанцы), который исследователи обычно считают отдельной нацией. В Афганистане аналогичные взаимоотношения существуют, по-видимому, между афганцами (пуштунами) и таджиками; в этом случае, однако, возможно культурное и этническое сближение между обоими народами, говорящими на родственных иранских языках (пушту и фарси). В противоположность этому трудно говорить об этническом сближении двух основных этносов Цейлона — сингалов и тамиллов, имеющих разное происхождение, говорящих на совершенно различных языках и резко различающихся между собой в этнографическом и конфессиональном отношениях. Существование сингальской нации несомненно. Есть основания предполагать также, что складывается самостоятельная нация среди цейлонских тамиллов. На юго-востоке Азии ко второй группе стран можно отнести Таиланд, где наряду с господствующей сямской (кхон-тайской) нацией стремление к национальному самоопределению наблюдается и среди лао.

К этой же группе можно отнести и КНР, где, несмотря на огромное численное преобладание китайцев (ханьцев), существуют крупные национальные меньшинства, создавшие свою высокую культуру, сохраняющие самобытность и активно стремящиеся к национальному самоопределению (уйгуры, тибетцы, монголы, чжуанцы и др.). Ко второй группе стран может быть причислен и Непал, где намечаются, вероятно, два очага национальной консолидации: собственно непальский на базе индоарийского языка непали и неварский, объединяющий различные народы, говорящие на так называемых гималайских языках. Очень сло-

жен вопрос о перспективах национального развития населения Малайзии. В этом молодом государстве имеются экономические, этнографические и политические условия формирования единой малайской нации, наряду с которой роль национальных меньшинств сохраняют и еще долго будут сохранять за собой многочисленные здесь китайцы и выходцы из Индии, преимущественно дравидоязычные тамилы. В островной части страны (в Сабахе и Сараваке), а также соседнем Брунее, не вошедшем в состав Малайзии, разворачиваются сложные процессы малайзации коренного населения, принадлежащего к различным группам дайяков.

К третьей группе стран, стоящей очень близко ко второй, могут быть отнесены такие страны юга Азии, как Индия, Пакистан и Бирма, в которых национально-политические общности включают ряд больших и малых народов, резко отличающихся друг от друга по уровню социально-экономического и этнического развития, по языку и культурно-бытовым особенностям. В каждом из этих трех государств существует несколько крупных народов, складывающихся или уже сложившихся в современные нации со всеми их характерными признаками: собственной буржуазией и пролетариатом, развитой национальной культурой, литературным языком и ярко выраженным самосознанием. В Индии национальная консолидация в наибольшей степени выражена у бенгальцев, маратхов, гуджаратцев, панджабцев, кашмирцев, телугу, тамиллов, каннара, малаяли. Самостоятельные очаги национального развития существуют также среди хиндиязычных народов Северной Индии, бихарцев.

На пути формирования в отдельные нации стоят многие народы Индийской республики, еще недавно зачислявшиеся в разряд «зарегистрированных племен». К числу таких народов, ведущих активную борьбу за национальное самоопределение, относятся, например, мундаязычные санталы, дравидоязычные гонды, говорящие на тибето-бирманских языках нага и манипури (мейтхеи), мон-кхмероязычные кхаси. Многие национальные меньшинства Индийской республики постепенно ассимилируются соседними более крупными народами, переходя на их язык и превращаясь в их этнографические группы. Аналогичные процессы разворачиваются в наше время и в Пакистане, где имеются два основных очага национальной консолидации: восточный (бенгальский) и западный, ядром которого являются панджабцы. Крупнейшими национальными меньшинствами Пакистана, сохраняющими этническую самостоятельность, являются пуштуны, белуджи и, возможно, брагуи. Бирма отличается от Индии и Пакистана более выраженным демографическим, социально-экономическим и культурным преобладанием одного народа — бирманцев, которые, бесспорно, уже сложились в современную нацию (в этом отношении ее можно сблизить со всеми странами первой группы). Однако в Бирме существуют и другие очаги национальной консолидации, закрепленные здесь юридически в форме автономии разных степеней (карены, шань, качины, чины, кая).

К четвертой группе стран относятся Индонезия и Филиппины. В этих странах, так же как в Индии, Пакистане и Бирме, после завоевания независимости сложились национально-политические общности, объединяющие большое количество народов, различных по численности, уровню хозяйственного, общественного и культурного развития, языку и этнической структуре. Однако в отличие от стран третьей группы в Индонезии и на Филиппинах подавляющее большинство населения принадлежит к родственным по происхождению этносам, обладающим многими сходными или даже идентичными этнографическими признаками и говорящих на близкородственных языках. Индонезия и Филиппины представляли собой самостоятельные историко-этнографические области уже в средние века, задолго до начала колониальных захватов.

В конце XIX и особенно в начале XX в. в обеих странах развернулось мощное национально-освободительное движение, в которое были втянуты различные народы. Параллельно с этим шла борьба за национальную общендонезийскую и общефилиппинскую культуру, за развитие письменности, литературы, прессы и преподавания на родном языке. В Индонезии таким языком стал обогащенный малайский диалект островов Риау, получивший название индонезийского, объявленный после освобождения государственным языком. Именно на этом языке развиваются в наши дни все отрасли индонезийской духовной культуры, ведется преподавание в средней и высшей (а отчасти и в начальной) школе, создается новая художественная, политическая и научная литература, выходит большинство газет и журналов, ведутся основные радиопередачи. Индонезийский язык все более глубоко проникает во все сферы жизни, не исключая и семейного быта (особенно среди интеллигенции и квалифицированных рабочих). Даже яванцы, наиболее крупный народ Индонезии, раньше других этносов этой страны вступивший на путь национальной консолидации, все больше и больше пользуются индонезийским языком. На Филиппинах аналогичную роль играет в известной степени язык тагалов, на основе которого создается так называемый «филиппино», становящийся постепенно языком литературы, прессы, преподавания, радиопередач. Однако на Филиппинах в отличие от Индонезии до сих пор еще сильны позиции других языков, а именно висая и илоканского, так как у народов, говорящих на этих языках, существует тенденция стать центрами национальной консолидации. Таким образом, несмотря на сложность национальных процессов, протекающих в наши дни в Индонезии и на Филиппинах, несмотря на дискуссионность многих проблем, связанных с этими процессами, вполне закономерна постановка вопроса о возможности формирования индонезийской и филиппинской наций из разных народов соответствующих стран. Можно сказать, что в обеих этих странах островной части Юго-Восточной Азии национально-политические общности имеют тенденцию стать национальными.
